1974 г. Ноябрь *Том 114, вып. 3*

УСПЕХИ ФИЗИЧЕСКИХ НАУК

ИЗ ИСТОРИИ ФИЗИКИ

НАБРОСКИ К ПОРТРЕТУ С. И. ВАВИЛОВА

53(092)

К ВОСПОМИНАНИЯМ О С. И. ВАВИЛОВЕ

И. М. Франк

В сентябрьском номере «Успехов физических наук» за 1973 г. был опубликован ряд воспоминаний о С. И. Вавилове под общим заголовком «Наброски к портрету С. И. Вавилова» *). Отклики читателей, которые до меня дошли, показывают, что эти статьи не прошли незамеченными. Вероятно, иначе и не могло быть, тем более, что подборка содержала высказывания таких выдающихся ученых, как академики А. В. Шубников, Б. А. Введенский, А. Л. Минц и В. И. Векслер.

Как отмечалось в моем предисловии, все эти статьи были написаны по просьбе академика А. Н. Теренина, готовившего книгу о С. И. Вавилове, которую он, однако, не успел завершить до своей кончины. Для Академии наук СССР 1974 г. является юбилейным, и нам казалось уместным продолжить публикацию воспоминаний о С. И. Вавилове. Они написаны в разные годы и посвящены различным периодам его жизни.

Сергей Николаевич Ржевкин охотно откликнулся на нашу просьбу написать что-либо о С. И. Вавилове. Его живой рассказ начинается со времени, которое уже ушло в прошлое более чем на шесть десятилетий. Сам С. И. Вавилов не оставил автобиографических записок о годах обучения в университете, службе в армии и исследовательской работе в первые послереволюционные годы. Сохранился только юношеский дневник С. И. Вавилова 1913 г., относящийся главным образом ко времени его путешествия по Италии. Это записи впечатлений дня, сделанные для себя, часто неразборчивым почерком (видимо, в поезде). Этот дневник не автобиография, а только материал для нее. С. И. Вавилов использовал впечатления о поездке в Италию в двух коротких очерках под заглавием «Города Италии: 1) Верона, 2) Ареццо», изданных в 1914 и 1916 гг. («Известия преподавателей графических искусств», № 4/5, 15 (1914); № 4/6, 43 (1916)). Очерки — свидетельство широты знаний и литературного дара молодого С. И. Вавилова. Теперь они — библиографическая редкость. Мы знаем, таким образом, о юношеских годах С. И. Вавилова не очень много, и рассказ С. Н. Ржевкина, его друга со студенческих лет, для нас очень ценен.

Николай Николаевич Малов прислал свою короткую статью также в прошлом году. Стимулом для ее написания послужила первая публи-

*) См. УФН 111, 173 (1973).

© Издательство «Наука», «Успехи физических наук», 1974 г.

кация «Набросков к портрету С. И. Вавилова» в «Успехах физических наук» в 1973 г. Это радует, и будем надеяться, что новая публикация даст толчок к получению новых материалов.

Из воспоминаний С. Н. Ржевкина и Н. Н. Малова видно, как рано и вместе с тем поначалу незаметно начал проявляться организаторский дар С. И. Вавилова.

Воспоминания Григория Павловича Фаермана написаны им по просьбе А. Н. Теренина в начале 1966 г. Интересная и содержательная статья охватывает большой период времени, начиная от прихода С. И. Вавилова в Оптический институт в 1932 г. Он рассказывает о многих его человеческих свойствах и его особенностях как руководителя.

Недавно Г. П. Фаерман по моей просьбе перечитал рукопись. Он написал мне, что статья «...в свое время вылилась «под настроение». Вносить в нее сейчас изменения и дополнения — это значит писать заново. Но это будет уже другая статья, и неизвестно, будет ли она лучше». С этим нельзя не согласиться, тем более, что нет нужды ее менять, так как статья в самом деле хороша.

По существу, тому же периоду времени посвящена статья Александра Алексеевича Лебедева. Это — единственная статья, в основу которой положены опубликованные материалы. Вскоре после кончины С. И. Вавилова в 1951 г. А. А. Лебедевым были написаны воспоминания о нем. Широкому читателю они остались неизвестны. Позже, частично использовав этот же материал, им была напечатана статья в «Трудах Института истории естествознания и техники» (т. 17, М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 140). Эта статья также малоизвестна. Часть абзацев обоих этих воспоминаний отличается только редакционно, и поскольку замыслы обеих статей совпадают, было нетрудно их объединить. Публикуемый текст составлен из взаимно дополняющих отрывков обеих статей, отделенных друг от друга многоточием. Эта работа выполнена мною при консультации со стороны П. П. Феофилова, которому я благодарен. Статьи автором не были озаглавлены, и название предложено мною.

Последняя из публикуемых статей принадлежит референту С. И. Вавилова в Президиуме АН СССР Наталье Алексеевне Смирновой. Статья написана в начале 1966 г., и в письме в Издательство АН СССР от 1 марта 1966 г. автор пишет: «Пересылаю то, что удалось написать о Сергее Ивановиче Вавилове. Если подойдет — хорошо, если же нет — тоже ничего; я давно уже собиралась записать то, что осталось в памяти об этом замечательном человеке, с которым мне посчастливилось работать».

Искренние и проникнутые глубоким уважением к Сергею Ивановичу воспоминания, несомненно, будут прочитаны с интересом. Свой рассказ Наталья Алексеевна доводит до дня, когда Сергей Иванович в последний раз уехал из Президиума АН. В тот же вечер его не стало.

Н. А. Смирнова проработала референтом С. И. Вавилова все время, пока он был Президентом Академии наук СССР. После кончины Сергея Ивановича она работала референтом Президента Академии академика А. Н. Несмеянова и затем, проработав некоторое время у Президента АН М. В. Келдыша, ушла на пенсию. Несколько лет назад Наталья Алексеевна скончалась. В рукопись Н. А. Смирновой мною внесены очень незначительные стилистические поправки, и статья была мною озаглавлена «С. И. Вавилов в Президиуме Академии наук СССР».

Перехожу теперь к более подробным комментариям опубликованных статей. С. Н. Ржевкин в своей статье упоминает о праздновании Татьяниного дня. Уместно напомнить, что это был праздник, одинаково чтимый как преподавателями, так и студентами университета. После революции этот праздник был отменен, как старорежимный, но традиция жила еще

ряд лет. Нет, разумеется, необходимости связывать праздник МГУ именно с Татьяниным днем, но жаль, что Московский университет, столь славный именами многих своих профессоров и воспитанников, не имеет своего праздничного дня. Ведь это было бы тоже одной из его хороших традиций *).

Говоря о лаборатории П. Н. Лебедева в Мертвом переулке, С. Н. Ржевкин, между прочим вспоминает об одном весьма примечательном факте: «В стенах этой лаборатории Сергей Иванович сделал первый опыт организации самостоятельного физического коллоквиума». Это очень характерно для него, и все, кто работал с ним вместе, не могут не знать, какое большое значение придавал Сергей Иванович научным семинарам (коллоквиумам). Он требовал, чтобы семинары лаборатории и института собирались регулярно и без пропусков. Когда в 1934 г. он привлек меня к работам по ядерной физике, он немедленно поручил начать семинар по ядерной физике и сам первые годы регулярно его посещал. В моей научной биографии этот семинар сыграл известную роль, и благодаря ему я не только прочитал, но и приобщился к пониманию ряда замечательных работ — работы Блэккета и Оккиалини, работ Ферми по медленным нейтронам и других. Мне понятно, что Сергей Иванович в своей научно-организаторской деятельности придавал немаловажное значение семинарам. Удивительно только, как рано пришло к нему это понимание.

О другом проявлении организаторского таланта тогда еще сравнительно молодого Сергея Ивановича пишет Н. Н. Малов. Он вспоминает, что Сергей Иванович был среди тех, кто отстаивал необходимость приглашения в МГУ Л. И. Мандельштама **). Нет сомнения, что это была не легкая задача. Вероятно, студенты не могли в то время знать работавшего в Одессе Мандельштама, и можно думать, что далеко не все профессора физики могли желать его привлечения в МГУ. Даже несколькими годами после этого, когда я познакомился с физикой в МГУ, среди старшего поколения профессоров и преподавателей было немало приверженцев классической физики XIX века и людей, уже отошедших от науки или, быть может, так и не пришедших в нее. Свежая струя в науке, которую не мог не принести с собой Мандельштам, не всем могла быть приятна.

Оглядываясь назад, трудно сейчас представить себе московскую физику без школы Мандельштама. А ведь вполне могло случиться, что если бы не физики Москвы, и особенно молодые, а среди них С. И. Вавилов, который приложил здесь свой организаторский талант, то эта школа развилась бы в другом месте, например в Ленинграде или Киеве. Вспоминая об этом, невольно удивляешься не только его умению убеждать, но и его дальновидности. Все это проявлялось так естественно и буднично, что мы, знавшие его долгие годы, осознали его организаторский талант, лишь проработав с ним много лет.

Г. П. Фаерман приводит много примеров стиля руководства, характерного для Сергея Ивановича. Он говорит о его внимании к людям и его доброжелательности. Однако не просто доброжелательность, которую так справедливо подчеркивает Г. П. Фаерман, но нечто существенно большее, содержат слова, которые он цитирует: «Вы знаете, ко мне, как Президенту Академии, приходит много народа, и мне часто приходится слышать от посетителей дурные отзывы о чужих работах и их авторах.

---

*) Лет десять назад студенты-физики МГУ возобновили праздник, назвав его днем Архимеда. Этот веселый и остроумный праздник просуществовал несколько лет и заглох. А между тем он имел успех, и в нем, кроме студентов, принимали участие видные ученые — Тамм, Ландау и однажды даже Нильс Бор.

**) Об этом же говорит в своих воспоминаниях и Б. А. Введенский (УФН 111, 183 (1973)).

Но никто не пришел ко мне, чтобы похвалить работу другого или обратить на нее мое внимание». Здесь, конечно, огорчение в отсутствии доброжелательности, но главное — в том, что́ в высшей степени было присуще Сергею Ивановичу, — это замечательное умение искренне радоваться любым, даже небольшим научным достижениям других. Именно в этом был источник той неизменной поддержки всякому хорошему начинанию, от кого бы оно не исходило.

Нужно большое бескорыстие по отношению к науке, чтобы так, как Сергей Иванович, радоваться чужим научным результатам или остроумным изобретениям. Это бескорыстие, вовсе не отрицающее хорошего честолюбия (оно было присуще и Сергею Ивановичу), вместе с доброжелательностью — далеко не все, что было свойственно стилю его работы. Однако без этого он, да, вероятно, и никто другой, не мог бы быть подлинным большим руководителем в науке (а не только ее организатором).

Вспоминая об участии Сергея Ивановича в различных обсуждениях, Григорий Павлович ставит вопрос: был ли урок, который он давал этим другим, сознательным? Мне также не раз приходил в голову этот вопрос даже тогда, когда положительный ответ, казалось, был очевидным. Вспоминаю такой случай. Однажды Сергей Иванович попросил меня написать небольшую статью для какой-то газеты. Мне очень не хотелось этого делать, и я отказался, нахально сославшись на занятость. Не помню, что именно сказал мне Сергей Иванович, но, во всяком случае, не стал сравнивать свою занятость с моей. Такого я от него никогда не слышал (говорят, иногда это бывало, но это — исключение, и ставить себя в пример он не любил). Наоборот, свои просьбы он часто начинал так: «Я знаю, вы очень заняты, но...», и т. д. Это не было формой вежливости, просто у него, видимо, были две мерки: одна — снисходительная — для других и беспощадная — для себя. Так или иначе, к стыду моему, наш разговор тогда кончился его неожиданным предложением: «Знаете что, давайте напишем эту статью вместе». События дальше развивались следующим образом: он вызвал к себе в кабинет машинистку и, помолчав несколько минут, сказал, обращаясь ко мне: «Я полагаю, надо начать статью с того-то. Как Вы думаете?». В смущении я мог только кивнуть головой. Продиктовав несколько фраз, он на мгновение задумался и снова обращаясь ко мне, сказал: «Теперь, пожалуй, следует перейти к тому-то». Я опять кивнул головой, и он снова продиктовал следующий абзац. Через полчаса такой «совместной работы» статья, над которой я наверняка мучился бы несколько дней, причем с заведомо меньшим успехом, была готова. Разумеется, Сергей Иванович не мог не понимать, что он дал мне оглушительной силы урок. Главное все же, и я убежден в этом, состояло не в нем. Я полагаю, что план статьи невольно уже сложился в его голове к началу нашего разговора, и статья уже просилась быть написанной. Поручая эту работу мне, он, вероятно, считал это полезным для меня и, если бы я согласился, возможно, поделился бы со мной мыслями о том, как ее написать (такие советы мне приходилось от него слышать). При этом он не пожалел бы времени и на редактирование моей статьи, хотя было бы быстрее и лучше написать статью самому. Но когда я отказался, он не сказал: «Ну что ж, напишу сам», он сказал более мягко: «Напишем вместе». При этом, быть может, я даже в какой-то мере невольно помогал ему как человек, при котором можно было, не стесняясь, рассуждать вслух. Просто он делал дело, притом как всегда с душой и не говоря: «Вот из-за Вас я вынужден это делать», и, вероятно, даже не думая этого и ни в какой мере не желая демонстрировать свое превосходство. Он давал урок, но в нем не было и тени подчеркнутой назидательности. Он давал урок тем, с кем хотел работать, и делал это так же, как руководил уче-

никами, обращаясь с ними, как с равными. Мне кажется, в этом секрет его уроков.

Александр Алексеевич Лебедев также много пишет о Сергее Ивановиче — руководителе, обращая внимание на работу в ГОИ над проблемами научно-производственными. Действительно, проблемы оптического производства были для Сергея Ивановича новыми, но опытом руководства прикладными работами он прекрасно владел. Он проявил это умение во Всесоюзном электротехническом институте в Москве. Я думаю теперь, что ему гораздо труднее было отстоять в ГОИ фундаментальные исследования, чем руководить прикладными. Прекрасное сочетание прикладных и фундаментальных исследований, заложенное Д. С. Рождественским, вероятно, не всем казалось обоснованным. Как всегда задавался вопрос, а какое экономическое значение будут иметь фундаментальные исследования, и, поскольку ответ нельзя было ясно формулировать, раздавались голоса, что их надо свернуть. В начале 30-х годов такая постановка вопроса была естественной. Страна начинала поднимать промышленность, создавая базу социалистической экономики. Все силы, а их не хватало, были сосредоточены на выполнении пятилетнего плана, и опыт строительства еще накапливался. Вопрос о необходимости связи науки с производством был очевиден, но роль фундаментальных наук далеко не всем была очевидна. Между тем такие дальновидные физики, как С. И. Вавилов, понимали необходимость широкого развития фундаментальных наук и единого руководства ими. Это не только требовало поддержки фундаментальных исследований там, где были для этого предпосылки (в составе ГОИ работал ряд выдающихся ученых-физиков), но и сосредоточения основной части этих работ под руководством Академии наук СССР. Нечто аналогичное происходит сейчас, на мой взгляд, с ядерной физикой, давно переросшей задачи ядерной техники и, по сути дела, относящейся к числу проблем, которые должны координироваться Академией наук. Сложность проблемы состоит в том, что этот фундаментальный раздел науки опирается на сложную технику, что заставляет ее сохранять связь с промышленностью.

Немало внимания А. А. Лебедев уделяет в своей статье тому, каким подвигом была работа Сергея Ивановича в военные годы. С какой непреклонностью и беспощадностью к себе он выполнял то, что считал своим долгом. При этом он оставался таким же внимательным и заботливым по отношению к другим, как и раньше. Окончание войны, в сущности, не облегчило его работу. Разумеется, ему уже не надо было делать большие концы пешком или ехать стоя в переполненном вагоне, но жизнь его стала труднее. Груз обязанностей, когда он стал Президентом АН СССР, сделался тяжелее, а ответственность возросла.

Н. А. Смирнова пишет о каждодневной будничной работе Президента АН СССР. Я хочу обратить внимание в ее статье на то, о чем она пишет, говоря о начале деятельности Сергея Ивановича в Президиуме АН. Она приводит его слова, обращенные к ней: «Не думайте, что вам удастся писать за меня статьи», а также его наказ работникам аппарата: «Не пытаться подменять руководство Президиума». Эти, казалось бы, очевидные высказывания теперь требуют пояснения. Дело в том,что предшественник Сергея Ивановича на посту Президента АН, выдающийся ученый академик Владимир Леонтьевич Комаров, много болел. Власть Президента АН начала уходить из его рук, а обычная уверенность некоторых работников аппарата в том, что только они могут по настоящему руководить наукой начала брать верх. В шутку поговаривали, что Академией Наук правит не Комаров, а «камарилья». Первое, что сделал Сергей Иванович, это сразу и решительно пресек подобную практику. Он не

только решал основные вопросы или ставил их на обсуждение Президиума АН СССР, но все свои многочисленные доклады и выступления писал всегда сам. Мы знаем, со слов Н. А. Смирновой, как это происходило. Нужно поражаться, как можно было после целого дня работы сначала в ФИАНе, а затем в Президиуме АН — дня напряженного труда, требующего стольких сил и зачастую связанного с волнениями и огорчениями, так уметь сосредоточиться над тем, с чем вскоре предстояло ему выступить. Утомленный до предела, а в последний год жизни больной, он писал свои статьи и доклады, всегда содержательные, насыщенные материалом и великолепные по форме. Уже одно это вызывает восхищение.